

УРАЛЬСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СЕМЬЯ И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Ю. П. ШАБАЕВ,

*доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН»
(г. Сыктывкар, РФ)*

Н. Н. ЛОГИНОВА,

*кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Язык – важнейшее средство человеческого общения. Он служит способом хранения и передачи информации, а также является носителем культуры. Общее число этнических групп в современном мире в зависимости от того, какие культурные группы считали народами, насчитывает от 2,5 до 7,5 тыс. [15, 5], в то время как наиболее часто называемое число языков составляет 6 910 [32], хотя порой приводят и другие цифры, что связано, в частности, с довольно условной границей между диалектами и языками. Важно заметить, что многие народы (культурные сообщества, имеющие общий этноним, т. е. самоназвание) или говорят на языке соседей (например, ирландцы), или пользуются не одним, а несколькими языками (например, саамы, ханты), а между языком и этничностью нет непреложных связей. В большинстве же случаев названия народа и языка совпадают. Все народы мира распределяются на 15 языковых семей и более 45 языковых групп, которые, в свою очередь, де-

лятся на языковые ветви. Изучение языков народов мира важно не только потому, что любой язык – динамично развивающаяся система коммуникации, которая нуждается в нормировании и совершенствовании, но и потому, что именно языки обычно кладутся в основу классификации народов, понимаемых как культурные сообщества. Лингвистическая система классификации исходит из принципа родства языков и культурной близости их носителей. Высшей таксономической единицей в этой классификации выступает семья языков.

Уральская языковая семья представлена тремя языковыми группами: 1) финно-угорской (венгры (мадьяры), финны (суоми), эстонцы (эстлased), карелы, саамы (лопари) – потомки древнейшего населения Северной Европы, коми и коми-пермяки, удмурты (вотяки), марийцы (черемисы), мордва (эрзя и мокша), ханты (остяки) и манси (вогулы); 2) самодийской (ненцы, энцы, нганасаны и селькупы) и 3) юкагирской (юкагиры и чуванцы) [11], хотя по поводу принадлежности последней к уральцам есть большие сомнения.

Современное географическое пространство уральских народов сформировалось под влиянием целого комплекса

* Статья подготовлена в рамках реализации Комплексной программы УрО РАН 2016, грант 15-15-6-47 «Социально-культурные и социальные риски в арктических и субарктических регионах Русского Севера», грант 15-15-6-47 «Стратегия и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросс-культурные процессы в исторической динамике».

условий и факторов. Традиционно уральские языки и народы распространены в Северной (от северо-западной Скандинавии и Балтийского моря до Северного Урала), Центральной и Восточной (в бассейне среднего Дуная) Европе, в Среднем Поволжье и Волго-Камском бассейне, а также в некоторых регионах Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В настоящее время крупные группы и диаспоры уральских народов отмечаются и в других регионах мира, например в США и Канаде.

В уральской языковой семье состоят 24 больших и малых по численности народа. Крупных народов, насчитывающих свыше 1 млн чел., немного. В 1980 г. это были: венгры – 14 400 тыс. чел. (проживали на территориях Венгрии – 73,1 %, Румынии – 11,9, США – 4,2, Чехословакии – 4,2 %); финны – 5 190 тыс. чел. (проживали на территориях Финляндии – 85,3 %, США – 5,8, Швеции – 5,8 %); мордва – 1 200 тыс. чел. (проживала на территории СССР – 100 %); эстонцы – 1 100 тыс. чел. (на территории СССР проживало 92,7 %) [9].

К 2010 г. число крупных уральских народов сократилось. Из этой группы выбыла мордва. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории Российской Федерации проживало 744 тыс. чел. мордовской национальности. Численность венгров составляет около 15 млн чел., финнов – 5,5 млн, эстонцев – около 1 млн чел. [10].

Исторические судьбы уральских народов тесно связаны с историей России [27]. Более того, изначально Российское государство создавалось как своеобразный союз славянских и уральских, а точнее восточнофинских племен. Как известно из летописей, Древнерусское государство было создано в 862 г. Российская государственность возникла при непосредственном участии варягов, когда князь Рюрик, «придоша к словенам», основал политический центр нового государства, «срубиша город Ладогу» [4, 73]. Даже если сам Рюрик и не был варягом, как это пытаются доказать некоторые исследователи, варяжские дружины, варяж-

ская торговля (путь «из варяг в греки») сыграли важную роль в интеграции племенных объединений, проживавших в то время на Восточно-Европейской равнине. При этом важно заметить, что за скухими сведениями летописей скрывается весьма показательное явление, ибо к варяжскому князю Рюрику обратилось не только восточнославянское население. Среди пяти племен, призвавших на Русь иноземного правителя, только два были славянскими (кривичи и словены), а три (чудь, весь и меря) – финскими, или финно-угорскими, как говорится ныне. Очевидно, что племена, призвавшие на правление варяжского вождя, не случайно обратились к иноземному князю, а сделали это, понимая необходимость улучшения управления землями, на которых они проживали бок о бок друг с другом, т. е. они осознавали как свое территориальное единство, так и общность своих интересов, и итогом этого осознания стали общие поиски авторитетного правителя для формирующегося раннегосударственного объединения. Таким образом, Россия как государство есть плод совместных усилий восточных славян и уральцев. Водь, ижора, карелы, вепсы (которых вплоть до начала XX в. нередко называли чудью, хотя термин «чудь» использовался и для обобщенного названия всех финских народов) изначально были в составе Древнерусского государства, а другие уральские народы вошли в его состав позже. Более того, весьма значительную роль уральские народы (прежде всего финно-угорские) сыграли и в формировании русского народа, представителей которого с XVIII в. стали называть великороссами.

Вопрос о роли финского компонента в формировании не только государственности, но и русской этнической общности долгое время был в центре внимания исследователей. В дискуссиях и его обсуждении приняли участие видные российские историки и этнографы. Многие историки, в числе которых такие известнейшие ученые, как Н. М. Карамзин, М. С. Соловьев, С. В. Ешевский, придерживались мнения, что финские племена доброволь-

но вошли в состав земель сначала Древнерусского государства, а затем Велико-Новгорода и Московской Руси и постепенно растворились в среде славянского населения. Об ассимиляции финноязычных обитателей северорусских областей писал также Д. И. Илловайский, а позднее В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов. При этом С. Ф. Платонов отмечал, что не только мигрировавшие на север русские ассимилировали местное чудское население, но и славяне Ростово-Суздальской земли смешались с чудскими племенами, которые оказали значительное влияние на их культурный облик. В. О. Ключевский, обобщив исторические материалы, касающиеся проблемы взаимодействия «руси и чуди», пришел к выводу, что результаты этого взаимодействия отразились на религиозном сознании и мифологических представлениях великороссов, на их антропологическом типе.

Наряду с господствовавшим в дореволюционной историографии мнением об активном участии финно-угров в формировании русской этнической общности имели место и другие мнения. Так, в 1893 г. академик А. И. Соболевский высказал мысль о том, что теория о мирной колонизации русскими финских земель неверна. Он указывал на летописные свидетельства, говорящие о походах новгородцев на западную чужд, приводил предания о «чуди белоглазой» и ее борьбе со славянами, указывал на то, что в русской лексике доля финских заимствований невелика, а значит, масштабы мирного и последовательного культурного взаимодействия славян и финских племен не столь значительны. Сходных позиций придерживались и некоторые другие ученые. Однако с началом массовых археологических исследований появились новые свидетельства славяно-финских связей. В частности, изучение А. С. Уваровым курганов Владимирской земли показало наличие значительного археологического материала, который говорил о присутствии финского компонента в самом центре будущего Русского государства. В составленном на основе археологических материа-

лов атласе «Древности финно-угорского Севера», подготовленном известным финским ученым И. Р. Аспелиным, фактически подтверждалась мысль о том, что финские племена не были вытеснены славянами из районов их обитания, а продолжали проживать на прежних местах до полной ассимиляции.

Один из крупнейших специалистов в области восточнославянской этнографии Д. К. Зеленин в 1920-е гг. также обратил внимание на вопрос о роли финского влияния «на великорусское племя». Названный вопрос рассматривался им как во введении к его наиболее известному труду «Русская (восточнославянская) этнография», так и в специальной статье, изданной в сборнике ЛОИКФУН в 1929 г. Ученый признавал, что русские имеют смешанное происхождение, но, тем не менее, утверждал, что в этом смешении финноязычное население Восточной Европы не принимало участия. Позиция Д. К. Зеленина вызвала резкую критику на страницах журнала «Этнография» в 1930 г., с которой выступили М. Т. Маркелов и будущий академик С. П. Толстов. Последний справедливо отметил, что в различные периоды истории отношения между славянами и финнами были разными и степень финского влияния на процесс формирования русского народа нельзя оценивать без связи с конкретной эпохой. В противовес Д. К. Зеленину один из основоположников советской исторической школы профессор М. Н. Покровский заявлял, что неславянская примесь составляет у русских примерно 80 % [19].

Дискуссия 1920–1930-х гг. не разрешила окончательно проблему славяно-финского взаимодействия, и в последующие годы исследователи возвращались к ней вновь. Сегодня, однако, представление о том, что влияние финноязычных народов на этногенез русских было существенным, стало доминирующим.

Исследователи обращают внимание на то, что многие топонимы и гидронимы на Европейском Севере России и в центральных областях имеют финское или самодийское происхождение [12; 13], включая

и название столицы России. Распространенной версией его происхождения является перевод от финского названия «Коровий ручей» (*моск (моек)* – телка, корова, *ва* – вода) [24], хотя, конечно, это лишь одно из предположений.

Анализ исторических сведений, характеризующих взаимодействие финно-угров, Древнерусского государства и Московского царства, дает нам весьма сложную картину этого взаимодействия, ибо в разные эпохи и с разными народами отношения складывались различным образом. Причем весьма показательно, что разные группы одного и того же народа имели собственную историю отношений с Российским государством. Так, горные марийцы добровольно вошли в состав Московского царства и приняли православие, которое глубоко укоренилось в их культурной среде. Вместе с тем луговые марийцы после взятия царем Иваном Грозным Казани и завоевания Казанского ханства вели долгую борьбу с новой властью. Эта борьба, когда марийцы вместе с казанскими татарами, а затем ногайцами и вогулами (манси) выступали против Москвы, получила название «черемисские войны» и длилась с 1552 по 1592 г. [20].

И Новгородская республика, и Великое княжество Московское, а равно и Московское царство довольно долго вели борьбу с набегами остяков (хантов) и вогулов (манси), а потому по мере укрепления Московского царства и усиления его экспансии на восток встал вопрос о необходимости покорения Сибирского ханства и других сибирских земель. Походы войска Ермака и других казачьих отрядов в Сибирь нередко характеризуются в учебниках истории и исторической литературе с помощью простой фразы – «завоевание русскими Сибири». Однако поскольку Российское государство изначально было поликультурным и в его формировании принимали непосредственное участие уральские племена, то и дальнейшее его расширение не могло проходить без участия уральцев. В составе «русских» отрядов было довольно много коми-зырян, а потому большее количество сибирских сел и деревень

до сих пор носят названия Зырянновка, Зырянка и т. д. [26]. Союзниками у казаков были и кодские ханты, а позднее и другие сибирские народы, уже не принадлежавшие к уральской языковой семье (например, якуты) [30].

С течением времени уральцы, как и группы иных народов, вошедших в состав Российского государства, все прочнее интегрировались в общее культурное и политическое пространство страны, а их элиты становились частью российских элит. Вместе с тем со второй половины XIX в. на окраинах Российской империи вместе с интеграционными процессами имел место и рост националистических настроений, происходило формирование национальных движений. С одной стороны, это было следствием развития капитализма, формирования государств-наций в Европе и распространения идеи нации, а с другой – ответом на формирование российской национальной идеологии, основанной на идее государственного народа, на роль которого могла претендовать только доминирующая этническая группа.

С середины XIX столетия великороссы стали рассматриваться официальными идеологами именно в качестве государствообразующего народа. «В 1864–1865 гг. М. Н. Катковым были сформулированы условия, обеспечивающие наиболее стабильное развитие Российского государства. Российская империя, по его мнению, могла существовать только как государство, в котором обеспечено преобладание титульной национальности. Другие “племена” могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности, иными словами, все, что не угрожает целостности государства... Главной опасностью для России, считал М. Н. Катков, мог стать сепаратизм отдельных народов, стремящихся стать самостоятельными нациями» [1]. Созданное в указанную эпоху Русское географическое общество определило своей целью «изучение Русской земли и русского народа, а усилиями путешественников, писателей и историков “ледяные пустыни” и “девственная тайга” наполнялись русскими геро-

ями и русскими воинами» [20]. К началу XX в. националистическая доктрина окончательно сформировалась, и ее суть последовательно пропагандировала газета «Русское знамя», а содержание определялось следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [16].

Таким образом, фактически был отвергнут богатый опыт взаимодействия между Российским государством и меньшинствами, институциональное оформление которого произошло еще в 1637 г., когда был создан Сибирский приказ, а затем в 1822 г. принят Устав «Об управлении инородцами», ставший одним из первых в мире официальных документов, связанных с правовым оформлением этнополитики. Отсутствие в национальной идее положений об изначальной поликультурной основе Российского государства и идеи гражданской солидарности, замена гражданских начал этнической иерархией и лояльностью самодержцу вызывали растущее недовольство на окраинах государства, в своем социально-экономическом развитии опережавших другие части империи.

Наиболее очевидно это проявилось в Финляндии (Великом княжестве Финляндском), которое в начале столетия после Русско-шведской войны 1808–1809 гг. было присоединено к России. При этом росту националистических настроений в Финляндии способствовало само российское правительство, которое поощряло фенноманское движение с тем, чтобы ослабить шведское влияние, помогало становлению национальной финской интеллигенции, вытеснению из делопроизводства и системы образования шведского языка. Однако к началу XX столетия фенноманское движение все более политизировалось; оно не только требовало расширения финской автономии, но и все более поддерживало антирусские и антирусские лозунги и идеи и пыталось распространить свое влияние на Карелию [2]. Благодаря усилиям националов и социал-демократов так называемый национальный вопрос вошел в политиче-

скую повестку не только местных деятелей, но и общероссийских политических движений.

Здесь полезно упомянуть то заключение, к которому пришел в свое время основатель факультета социологии Гарвардского университета (США), известный уроженец Коми земли Питирим Сорокин. Как бы полемизируя с теми, кто брал на вооружение «национальный вопрос», он отмечал, что мало кто может дать вразумительный ответ на вопросы: что такое национальность? каковы ее элементы? в чем ее отличительные признаки? Пытаясь дать ответы на поставленные вопросы, ученый завершил свои рассуждения следующим заключением: «Пока национальный принцип совпадает и не противоречит лозунгу социального равенства – мы от души приветствуем национальные движения... Но как только национальный принцип становится средством угнетения одной группой других групп, мы поворачиваемся к нему спиной, памятуя, что высшая ценность – “равноправная человеческая личность”. Вся полнота прав должна быть предоставлена каждой личности, без различия “эллина и иудея, раба и свободного”. Индивид, с одной стороны, и всечеловечность – с другой, – вот то, что нельзя упускать из виду нигде и никогда, как неразъединимые стороны одного великого идеала» [21].

Большевики, придя к власти в России в 1917 г., взяли на вооружение не идею всечеловечности и не революционные идеалы Великой французской революции, которая провозглашала идею гражданства и гражданского равенства. Они положили в основу внутренней политики концепцию разделенного общества. В противовес идеям Великой французской революции вместо свободы и равенства они выдвинули идею доминирования в политической жизни страны только одной социальной группы – промышленных рабочих, которые должны были осуществлять «гегемонию пролетариата».

Союзником пролетариата должны были стать этнические меньшинства, поскольку

ку многие группы «инородцев» не имели развитой классовой структуры и, следовательно, были как бы более подготовлены к формированию новой бесклассовой структуры общества, к которой в теории стремились большевики.

С целью привлечения меньшинств большевики отвергли идею государственного народа как шовинистическую, а потому исключили из культурной лексики этноним «великоросс», но одновременно они предали забвению и революционную идею гражданской нации. Новые власти во внутренней политике сделали ставку на доктрину этнического национализма. Эта доктрина базировалась на двух ключевых положениях: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием; 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» народам. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции в своем национально-государственном образовании [23].

Основываясь на указанной доктрине, новые власти приступили к слому старого административного деления страны и начали процесс так называемого национально-государственного размежевания, который дополнил процесс политической и социальной дифференциации. Для крупных народов создавались союзные республики, для менее крупных – автономные, далее следовали национальные области и округа, национальные районы. В результате была создана уникальная этническая федерация [25], аналогов которой нет нигде в мире, даже в тех странах, на территории которых проживает множество этнических групп (Индия, Китай, Бирма и т. д.). При этом стоит заметить, что ни одна союзная, автономная республика или национальный округ не были созданы в результате референдума, т. е. народного волеизъявления, а точнее сказать – акта самоопределения (который не был осуществлен и во время «па-

рада суверенитетов» 1991 г.). Республики и округа создавались сверху, по решению центральных властей и местных конференций коммунистов, численность которых на землях, где проживали коми, удмурты, марийцы, мордва, ненцы, ханты и манси, была крайне мала.

Если не принимать во внимание финское национальное движение, то некие движения в поддержку идеи этнической автономии сформировались до революции 1917 г. только у эстонцев, а также у карел (однако в «Обществе беломорских карел», созданном на территории Финляндии в 1905 г., большинство членов были финнами). После революции 1917 г. национальное движение под влиянием татарских националистов возникло у марийцев (первый съезд марийского народа прошел в г. Бирске Уфимской губернии в 1917 г., а второй – в Казани в 1918 г.). Впрочем, сама политика большевиков стимулировала местных коммунистических лидеров включаться в процесс национально-государственного строительства и брать на вооружение идеи этнического национализма. Так, руководитель Карельской трудовой коммуны «Красный финн» Эдвард Гюллинг на IV съезде КПФ, проходившем в 1921 г. в Петрограде, в ответ на упреки в поддержке национализма заявил следующее: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма» [3, 116].

Между тем лидер российских большевиков В. И. Ленин в известной работе «О праве наций на самоопределение» приводил в качестве идеального примера решения национального вопроса референдум 1905 г. в Норвегии [8], во время которого норвежцы проголосовали за отделение от Шведского королевства. Однако на практику советского государственного строительства опыт создания Норвежского государства распространен не был. Все национально-государственные образования в России возникли явочным путем, и суть их создания заключалась в том, чтобы назначить какой-либо один народ коллективным собственником определенной

территории. И именно такое понимание сущности национальных республик достаточно распространено сегодня как в сознании обывателя, так и в сознании активистов этнических организаций.

Свою государственность уральские народы России получили в разное время. Еще 6 декабря 1917 г. правительство большевиков признало независимость Финляндии. В 1920 г. советское правительство признало независимость Эстонии. В том же 1920 г. были созданы Карельская трудовая коммуна, Марийская автономная область, Автономная область вотяков (т. е. удмуртов), а в 1921 г. – Коми автономная область. Позднее других, в 1930 г., была признана Мордовская автономная область [6]. В 1925 г. был образован первый в Советской России национальный округ – Коми-Пермяцкий, а в 1929–1930 гг. – другие округа.

Создание национально-государственных образований сопровождалось внедрением в практику «политики коренизации», суть которой состояла в том, чтобы заменить в системе управления, в образовании, институтах культуры и т. д. иноэтничных специалистов на представителей «коренных народов». Очень часто эта политика принимала формы прямого и активного выдавливания представителей «некоренных народов» с рабочих мест и откровенного разделения местных сообществ на этнические сегменты. В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные “русские” фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. “Финноязычные” карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не гово-

рил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [22]. Однако длительное культурное взаимодействие между русскими и уральцами не могло не сказаться в процессе национально-государственного размежевания и «коренизации». Культурные традиции, укоренившиеся в предшествовавшие столетия, были сильнее, чем диктат большевиков. Примером тому явилась культурная ситуация, сложившаяся вокруг ижоры. Наиболее общее для всех групп ижоры этническое самоназвание – «русские» (“venäläiset, venalaizet”) – первоначально представляло собой политоним (принадлежность к Русскому государству), а впоследствии превратилось в конфессионим («русские» как носители православной религии), что было важно для культурного позиционирования при проживании на одной территории с финнами-лютеранами (ингерманландцами) [5]. Не случайно в 1930-е гг. ижорская интеллигенция дружно отвергла местный вариант «коренизации» – идею «ижоризации».

Политика «коренизации» была свернута во второй половине 1930-х гг., а в 1950-е гг. в Советском Союзе пришли к пониманию того, что государственное единство не может успешно укрепляться, если культурные группы населения будут обособляться друг от друга, а потому необходимо найти формулу, в рамках которой они будут интегрироваться в единое сообщество. Однако доминирующей культурной концепцией опять стала не нация-полис, а идея советского народа, согласно которой все население страны в процессе социалистического строительства якобы трансформировалось в новую историческую общность, которая ориентирована, в первую очередь, на идеалы коммунизма и братства народов, а культуры отдельных народов страны стали национальными по форме, но социалистическими по содержанию. Эта новая общность трактовалась как своего рода семья народов, в которой русский народ выступал в качестве старшего брата. При этом в идее новой исторической общности мы видим много сходного с американской идеей «плавильного ти-

гля», которая появилась в начале XX в. и позиционировала американцев как некий «сплав» из представителей разных народов.

Безусловно, концепция новой исторической общности оказала существенное влияние на развитие этнических групп и усилила процессы унификации и интеграции внутри российского общества. Кроме того, серьезно сказалась на культурных ориентациях представителей этнических меньшинств школьная реформа 1958 г., которая позволила родителям учеников самим выбирать язык обучения в средней школе, и значительная часть школ в республиках и округах была переведена на русский язык обучения по просьбам самих родителей. В последующие десятилетия процессы деэтнизации и утраты родного языка приобрели весьма значительные масштабы. В этом смысле полезно сослаться на вывод, к которому в свое время пришел, изучая финно-угров, известный финский социолог Сеппо Лаллукка: «История подтверждает, что восточно-финским народам присущи как ассимиляционные, так и плюралистические ценности и стремления. Так, с одной стороны, большое число их представителей более или менее сознательно восприняли обрусение как свою цель, т. е. они желают абсорбироваться в большое общество, хотя, чтобы к ним относились просто как к индивидам. Устремленная таким образом на ассимиляцию группа людей хочет быть полностью воспринятой доминирующей группой с последующим слиянием в большое общество. С другой стороны, имели и продолжают иметь место и стремления к этническому возрождению» [7, 304].

Именно эти явления и стали основой для формирования этнонациональных движений уральцев в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда в советском обществе пошел процесс демократизации и голос общественности стал звучать все более громко и настойчиво. Создаваемые в это время этнические организации объявляли своей целью заботу о сохранении языков и культур уральских народов. Однако довольно быстро они стали полити-

зироваться и включать в свои требования идеи, которые не всегда соответствовали нормам демократии, российским культурным традициям, гражданским идеалам. Одним из основных недостатков идейных позиций этнических движений уральцев стало противопоставление этничности гражданству [29].

Очевидно, что сохранение этнокультурной отличительности есть главная цель деятельности этнонациональных организаций, но абсолютизация этой цели приводит к тому, что «люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические» [14, 163]. Именно в таком контексте многими этническими активистами рассматриваются сокращение численности уральских народов, которое отмечено переписями населения 2002 и 2010 гг. [28], и ситуация в языковой сфере, характеризующаяся существенным снижением уровня языковых компетенций уральцев [31].

На основании анализа данных переписей населения становится очевидным, что у уральских народов имеют место потери населения в результате низкого уровня демографического воспроизводства, но резкое сокращение их численности не объяснить только малым уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности. Существенны также потери, которые мы прежде называли ассимиляционными. Однако, на наш взгляд, сегодня эти потери корректнее и правильнее будет назвать потерями от смены характера идентификации. Одно из прав личности – право на культурную свободу, поэтому, если человек решил сменить свою этническую идентичность, он всего лишь реализовал свое право на свободу культурного выбора. И в связи с этим говорить об ассимиляции, которая ассоциируется с культурным давлением, вряд ли правильно. Применительно к современной ситуации это неверно вдвойне, ибо в последние годы осуществляется огромное количество мероприятий, которые направлены на поддержку культур и языка финно-угорских и самодийских народов, на проведение различных культур-

ных акций, призванных способствовать пропаганде культур финно-угров и самодийцев. Открыты Финно-угорский культурный центр Российской Федерации в Сыктывкаре и Поволжский центр культур финно-угорских народов в Саранске, издаются новые журналы, проводятся фольклорные и театральные финно-угорские фестивали, создаются телепрограммы и специализированные финно-угорские сайты и т. д.

Тем не менее в условиях культурного плюрализма значительная часть уральцев склонна к смене этнического самосознания, а еще большее число представителей уральских народов, не отказываясь от отождествления себя с этническими сообществами, к которым принадлежали их предки, меняют языковую идентичность и называют русский язык своим родным. Однако стоит заметить, что между языком и этничностью нет жесткой связи [33] и, главное, что, меняя родной язык, люди не меняют характер этнической идентификации. Так, согласно данным переписи 2010 г., в Республике Коми (сходные данные и по ряду других финно-угорских регионов) родным назвали русский язык 37 % проживающих здесь коми [17], но при этом они не отказываются от отождествления себя с титульным этническим сообществом. Иными словами, куль-

турные ориентации уральцев становятся более сложными и поэтому изменения в культурном облике народов и культурных ориентациях уральцев неправильно объяснять с помощью примитивных схем вымирания народов или деэтнизации.

На изменении культурных ориентаций сказываются не только процессы глобализации и унификации, которые существенно усилились в последние годы, но, как показывают данные социологических исследований [18], все большее влияние на них начинают оказывать ориентации на гражданскую общероссийскую идентичность, которая не столько вытесняет этническую, сколько сосуществует вместе с ней как еще один способ культурного позиционирования личности в рамках российского социума. Представители уральских народов ощущают тесную личную связь с Российским государством, ибо их интеграция в общероссийское политическое пространство имеет многовековую историю, а сегодня политика согражданства стала краеугольным камнем «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной указом Президента РФ в 2012 г., и эта политика не только имеет официальное доктринальное оформление, но и находит отражение в личных культурных стратегиях россиян.

Поступила 20.02.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Бахтурина, А. Ю.* Краины Российской империи : государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – Москва : РОССПЭН, 2004.
2. *Жеребцов, Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. / Л. Н. Жеребцов. – Москва, 1982.
3. *Каншаспуру, М.* Взлет и падение «красных финнов» // Север. – 1997. – № 11.
4. *Кирпичников, А.* Обстоятельства зарождения. Исторические данные о 1150-летию российской государственности // Родина. – 2011. – № 4.
1. *Bakhturina, A. Yu.* (2004), Outskirts of the Russian Empire: public administration and national policies in the years of the First World War (1914–1917), Moscow: ROSSPEN.
2. *Zherebcov, L. N.* (1982), Komi historical and cultural relations with the neighboring peoples. X – beginning of XX century, Moscow.
3. *Kanshaspuro, M.* (1997), Rise and fall “Red Finns”, North, № 11.
4. *Kirpichnikov, A.* (2011), Backgrounds of the origins. Historical data of the 1150 anniversary of Russian statehood, Homeland, № 4.
5. *Kryukov, A. V.* (2007), On ethnic identity of Ingrian Finns and Izhora, Nestor. The Finno-

5. *Крюков, А. В.* Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // *Нестор. Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники, исследования, историография.* – Санкт-Петербург, 2007. – № 10.
6. *Куликов, К. И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. / К. И. Куликов. – Ижевск, 1993.
7. *Лаллукка, С.* Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов / С. Лаллукка; изд. переработ. и дополн. – Санкт-Петербург, 1997.
8. *Ленин, В. И.* О праве наций на самоопределение // *Полное собрание сочинений.* – 5-е изд. – Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1913–1914. – Т. 24. – С. 113–150.
9. *Логинава, Н. Н.* Демографическая ситуация в регионах компактного проживания финно-угорских народов России / Н. Н. Логинава, Т. П. Реброва // *Этнические миры и культурные универсалии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Саранск, 20 сент. 2012 г.* – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 122–128.
10. *Логинава, Н. Н.* Динамика этнодемографической структуры населения региона / Н. Н. Логинава, Т. П. Реброва // *Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры: монография.* – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С. 124–129.
11. *Логинава, Н. Н.* Финно-угорские народы мира и России: геодемографический аспект / Н. Н. Логинава, М. А. Жулина // *Финно-угорский мир.* – 2011. – 2/3 (8/9). – С. 75–81.
12. *Матвеев, А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // *Вопросы языкознания.* – 1976. – № 3. – С. 59–61.
13. *Муллонен, И. И.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья / И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1997.
14. *Осипов, А.* Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) / А. Осипов, Р. Сапожников // *Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации.* – Москва, 2004.
15. *Основы этнологии* / под ред. В. В. Пименова. – Москва, 2007.
16. *Размолдин, М. Л.* О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // *Клио.* – 2011. – № 2 (53).
17. *Рожкин, Е. Н.* Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений в Республике Коми: Информационный бюллетень. Спецвыпуск / Е. Н. Рожкин, Ю. П. Шабаев. – Сыктывкар, 2014.
- Ugric peoples of Russia: (Problems of history and culture). Sources, research, historiography, Saint Petersburg, № 10.
6. *Kulikov, K. I.* (1993), Nation-building peoples of Eastern Finland in 1917–1937, Izhevsk.
7. *Lallukka, S.* (1997), East-Finnish peoples of Russia. Analysis of the ethno-demographic processes, Saint Petersburg.
8. *Lenin, V. I.* (1913–1914), On the right of nations to self-determination, Complete Works, 5th ed., V. 24, Moscow: Publishing House of the polit. Lit., p. 113–150.
9. *Loginova, N. N., Rebrova, T. P.* (2013), Demographic situation in the regions of compact residence of Finno-Ugric peoples of Russia, Ethnic worlds and cultural universals: Proceedings of International Conference, Saransk, 20 September, 2012, Saransk: Mordovian University Press, p. 122–128.
10. *Loginova, N. N., Rebrova, T. P.* (2014), Dynamics of ethno-demographic structure of the population in the region, Actual problems of the study of Finno-Ugric culture, a monograph, Saransk: Mordovia University Press, p. 124–129.
11. *Loginova, N. N., Zhulina, M. A.* (2011), Finno-Ugric peoples of the world and Russia: the geo-demographic aspect, Finno-Ugric world, 2/3 (8/9), p. 75–81.
12. *Matveev, A. K.* (1976), Substrate etymology of names and toponymic systems of modeling components, Questions of linguistics, № 3, p. 59–61.
13. *Mullonen, I. I., Azarova, I. V., Gerd, A. S.* (1997), Hydronyms dictionary of Southeast Priladozhje, Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.
14. *Osipov, A., Sapozhnikov, R.* (2004), Legislation of the Russian Federation on ethnicity. Conceptual framework, content, implementation issues (reference material), Problems of legal regulation of interethnic relations and anti-discrimination legislation in the Russian Federation, Moscow.
15. *Pimenova, V. V.* (ed.), (2007), Fundamentals of Ethnology, Moscow.
16. *Razmoldin, M. L.* (2011), On fundamentals difference between Black-Hundred and nationalist doctrines in Russia in the early twentieth century, Clio, № 2 (53).
17. *Rozhkin, E. N., Shabayev, Yu. P.* (2014), Monitoring of the situation in the sphere of interethnic relations in the Republic of Komi: Bulletin, Special edition, Syktvkar.
18. *The Russian nation. Formation and ethnocultural diversity,* Moscow, 2011.
19. *Ryabinin, E. A.* (1990), Problem of Finno-Ugric substrate in the Old Russian people (historiography review of XIX – 20–30-ies of XX century), Contemporary Finno-Ugric studies. Experience and problems, Leningrad.
20. *Slezkin, Yu.* (2008), Arctic mirrors. Russia and small peoples of the North, Moscow.
21. *Sorokin, P.* (1992), Human being. Civilization, Society, Moscow.
22. *Survo, A. A.* (2009), Ural myth, Semiosis and

18. *Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие.* – Москва, 2011.
19. *Рябинин, Е. А.* Проблема финно-угорского субстрата в древнерусской (русской) народности (обзор историографии XIX – 20–30-х гг. XX в.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. – Ленинград, 1990.
20. *Слезкин, Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин. – Москва, 2008.
21. *Сорокин, П.* Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – Москва, 1992.
22. *Сурво, А. А.* Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. – Сыктывкар, 2009. – Вып. 5.
23. *Тишков, В. А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. – Москва, 1993.
24. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – 3-е изд., стереотип. – Москва, 1996. – Т. 2.
25. *Филиппов, В. Р.* Критика этнического федерализма / В. Р. Филиппов. – Москва, 2003.
26. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – начало XX вв.) // Нестор. – № 10.
27. *Финно-угорские народы России : генезис и развитие / под ред. В. А. Юрченкова.* – Саранск, 2011. – 222 с.
28. *Шабаев, Ю. П.* Культурный апокалипсис или гражданская консолидация // Социологические исследования. – 2013. – № 3.
29. *Шабаев, Ю. П.* Региональный национализм : экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России / Ю. П. Шабаев, А. П. Садохин. – Москва, 2014.
30. *Шабаев, Ю. П.* Черемисские войны // Уральская языковая семья: народы, страны и регионы. Этнополитический справочник. – Москва, 2014.
31. *Шабаев, Ю. П.* Язык и этничность : дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров / Ю. П. Шабаев, В. Н. Денисенко, Н. В. Шилов // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2.
32. *Ethnologue.* Languages of the World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ethnologue.com/browse/names>.
33. *Ethnonationalism in the contemporary world.* Walker Connor and the Study of Nationalism / Ed. by Danieli Conversi. – London and New York : Routledge, 2004. – P. 83–91.
- culture. Philosophy and phenomenology of the text, Vol. 5, Syktyvkar.
23. *Tishkov, V. A.* (1993), Strategy and mechanisms of national policy, National Policy of the Russian Federation, Moscow.
24. *Fasmer, M.* (1996), Etymological Dictionary of the Russian language, Ed. 3, stereotype, Vol. 2, Moscow.
25. *Filippov, V. R.* (2003), Criticism of ethnic federalism, Moscow.
26. “Finnizatory” and “obrusiteli”. Documents on the history of the struggle for influence in the Republic of Karelia (end of XIX – beginning of XX century), Nestor, №10.
27. *Yurchenkov, V. A.* (ed.) (2011), Finno-Ugric peoples of Russia: genesis and development, Text-book, Saransk.
28. *Shabaev, Y. P.* (2013), Cultural apocalypse or civil consolidation, Sociological studies, № 3.
29. *Shabaev, Yu. P., Sadokhin, A. P.* (2014), Regional Nationalism: expert analysis of the ideology of ethnic movements of the Finno-Ugric peoples of Russia, Moscow.
30. *Shabaev, Yu. P.* (2014), Cheremis War, Ural language family: people, countries and regions. Ethnopolitical directory, Moscow.
31. *Shabaev, Yu. P., Denisenko, V. N., Shilov, N. V.* (2009), Language and ethnicity: the debate on language policy in the regions with Finno-Ugric population, Ethnographic Review, № 2.
32. *Ethnologue.* Languages of the World, available: <http://www.ethnologue.com/browse/names>.
33. *Conversi, D.* (ed.) (2004), Ethnonationalism in the contemporary world. Walker Connor and the Study of Nationalism, London and New York: Routledge, p. 83–91.